

Главное было в том, чтобы он стал популярным, и тогда все проблемы исчезли бы сами собой. Это также определялось уровнем силы Императора. Использование связей — это временное решение, а как добиться долгосрочного успеха и стать «вечнозелёным деревом» — вот к чему стремится любой артист восемнадцатой линии.

Цзи Юй и не подозревал, что все его привилегии уже подтолкнули его к краю пропасти: один шаг — и он окажется в раю, другой — в аду.

Было ли это специально организовано Шангуань Янем, кто знает? В любом случае, Цзи Юй не стал бы тратить время на размышления об этом. Для него стать звездой не было жизненно важным, ведь зарабатывание денег было основой для всего, что он планировал делать в будущем.

Если бы кто-то слишком много думал, встречаясь с таким человеком, как Цзи Юй, который не любит размышлять, это могло бы привести к серьёзному внутреннему конфликту...

С наступлением ночи Шангуань Янь, массируя виски, сидел в машине, сосредоточенно думая о работе на следующий день.

— Возвращаемся в Резиденцию Юньшуй.

Машина тронулась, направляясь к месту назначения.

Резиденция Юньшуй была местом, где Шангуань Янь жил один. Семья Шангуань была огромной, и основные её члены, естественно, проживали в старой усадьбе.

Старая усадьба находилась за городом и занимала большую территорию, но, за исключением редких случаев, когда у него была необходимость туда ехать, он предпочитал не оставаться там.

Даже несмотря на то, что он тоже был членом семьи Шангуань, и даже несмотря на то, что там жил его уважаемый дедушка, он не хотел иметь ничего общего с этими людьми!

Он взял на себя управление делами семьи Шангуань лишь для того, чтобы не позволить некоторым людям добиться своих целей.

Сяо Чжао, взглянув в зеркало заднего вида, осторожно произнёс:

— Дедушка сегодня сказал, что хотел бы вас увидеть.

Его голос был полон осторожности, а ладони крепко сжимали руль.

Шангуань Янь, слегка прищурился, спокойно ответил:

— Ты, похоже, получил это сообщение раньше меня. Почему он мне ничего не сказал? Опять капризничает?

Сяо Чжао, услышав спокойный тон Шангуань Яня, не мог понять, как на это реагировать, и снова украдкой взглянул в зеркало, прежде чем осторожно продолжил:

— Дедушка боялся, что вы слишком заняты и забыли, поэтому он обратился ко мне напрямую, минуя вас.

Шангуань Янь кивнул и сказал:

— Тогда заедем в старую усадьбу.

Его лицо оставалось спокойным, и было непонятно, о чём он думал.

Всю дорогу они ехали молча. Перед тем как выйти из машины, Шангуань Янь снова заговорил, медленно произнося:

— Раз уж ты получаешь мою зарплату, то выполняй свою работу как следует. Если будешь работать спустя рукава, даже дедушка не сможет оспорить моё решение.

Он вышел, оставив Сяо Чжао в холодном поту.

Усадьба семьи Шангуань занимала огромную территорию и была прекрасно обустроена. Вокруг дома располагались цветочные клумбы, а внутри всё было выполнено в стиле традиционного китайского двора с извилистыми коридорами, создавая ощущение, будто ты попал в древние времена.

Конечно, здесь жили только основные члены семьи. Младшее поколение, считая, что здесь слишком много правил, предпочитало жить в новых виллах, расположенных рядом.

Но сейчас уже не было никакого разделения на основную и второстепенную ветви семьи. Всё давно превратилось в хаос. Возможно, самым правильным его решением было держаться подальше от этого места и от этой уродливой семейной жизни.

Погружённый в размышления, он дошёл до главного двора, где жил его дедушка, Шангуань Чэн. Старик любил тишину и привык к одиночеству с тех пор, как бабушка Шангуань скончалась.

Здесь прошло всё детство Шангуань Яня. Кроме Хуа Чэна, который иногда приходил поиграть с ним, он проводил время с репетиторами и слушал, как дедушка анализирует бизнес-вопросы.

— А Янь, ты вернулся? Почему стоишь здесь? Твой младший брат был очень рад, когда дедушка сказал, что ты сегодня приедешь.

Навстречу ему шла молодая женщина в светло-розовом ципао, её изящная фигура и морщинки в уголках глаз добавляли ей шарма. Ей казалось не больше тридцати.

Шангуань Янь нахмурился, глядя на женщину, или, скорее, на свою «младшую тётю»:

— Если бы ты была умной, то исчезла бы с моих глаз. Ты думаешь, что поддержка моего отца даст тебе всё? Увы, твой статус слишком низок.

Он усмехнулся, а в его глазах читалось столько презрения, что Лоу Цин едва сдерживала гнев.

Она отвернулась, и слёзы покатались по её щекам:

— А Янь, хоть ты и не мой родной сын, ты всё же единственный ребёнок моей сестры. Я приготовила твои любимые блюда, узнав, что ты приедешь. Почему ты так меня не понимаешь? Я искренне хочу заботиться о тебе.

Она покачнулась, словно вот-вот упадёт в обморок, но молодой человек, стоявший позади, быстро поддержал её:

— Мама, ты в порядке?

Шангуань Хао с горечью смотрел на своего старшего брата:

— Брат, как бы мама ни была неправа, она хочет тебе добра. Почему ты всегда так поступаешь? Что нужно сделать, чтобы ты оставил прошлое? Это было так давно. Мы же семья, кровь от крови. Что может быть важнее этого?

Его наивные и раненые глаза были просто невыносимы!

Именно поэтому он не хотел возвращаться сюда. Каждый раз это был настоящий спектакль. Внимательно глядя на молодого парня перед собой, которому было чуть больше двадцати, с его юношеским максимализмом и позой защитника справедливости, он не мог не усмехнуться.

Как и следовало ожидать, его отец тоже появился:

— Шангуань Янь, я знал, что это ты! Почему ты всегда обижаешь свою тётку? Если у тебя есть претензии, обращайся ко мне, она ни в чём не виновата!

Он смотрел на сына, словно на что-то грязное, будто хотел стереть его с лица земли. Незнакомый человек мог бы подумать, что случилось что-то ужасное. Затем он повернулся к своей жене с нежным выражением лица, демонстрируя полное раздвоение личности.

— Пожалуйста, не преграждайте мне путь. Если хотите играть в счастливую семью, делайте это в стороне, хорошо? У меня нет столько свободного времени, как у вас.

Его холодный взгляд скользнул по троим, и, прежде чем отец успел начать свои нравоучения, он резко произнёс:

— Тётюшка, которая влезла в постель к своему зятю, довела свою тяжело больную сестру до смерти, а через семь месяцев родила сына... Вам действительно не стоит идти в актрисы? Это готовый сценарий, который заставит всех аплодировать. Пожалуйста, больше не появляйтесь передо мной, мне от вас тошно!

Жестоко сорвав с них маску, он повернулся и пошёл дальше, не оглядываясь.

Лоу Цин стиснула зубы, и на её опущенном лице мелькнула гримаса ярости. Подняв голову, она снова приняла вид терпеливой женщины.

— Это моя вина, вина в том, что я полюбила тебя. Даже если у тебя и сестры не было чувств, мне не следовало быть с тобой, и мне не следовало рожать А Хао.

На её лице читалась глубокая печаль.

Шангуань И с сочувствием погладил её руку и сказал:

— Дети уже выросли, зачем говорить об этом? К тому же, это я был виноват, мне следовало развестись с ней и жениться на тебе, но тогда она заболела, и всё затянулось, из-за чего ты много страдала.

С этими словами он вздохнул и, взяв жену за руку, позвал Шангуань Хао войти вместе с ними. Они только что услышали от слуг, что Лоу Цин в порыве эмоций выбежала наружу и была унижена Шангуань Янем, из-за чего даже не поужинала как следует.

Этот негодяй, зачем я вообще его родил! Хорошо, что есть Хао.

Шангуань Хао поднял голову и с завистью и ненавистью смотрел на старшего брата, который скрылся в темноте. Его прекрасный старший брат! Этого недостаточно, но рано или поздно он вернёт ему это унижение!

Юноша снова улыбнулся, словно солнце, и пошёл за ними, не оставив и следа от мрачного выражения на лице. Его улыбка была яркой, как солнечный свет в ночи.

Шангуань Янь игнорировал приветствия слуг и направился прямо в кабинет. В доме всё было устроено так, что на периферии находились приёмные, дальше шли столовые, а ещё глубже — личные комнаты и кабинеты.

Расположение комнат также имело свои правила: старший сын основной ветви жил в главной комнате, а младшие сыновья — в боковых. Однако у дедушки был только один сын, Шангуань И, поэтому вокруг жила его семья.

Открыв деревянную дверь, он увидел, что дедушка лежал в кресле-качалке с закрытыми глазами. Рядом стоял управляющий Лю Тао, добродушный мужчина средних лет, который, можно сказать, вырастил Шангуань Яня.

— Дедушка, дядя Лю.

Казалось, он совершенно не был затронут произошедшим ранее, и на его губах играла лёгкая улыбка.

— Молодой господин вернулся, я сейчас заварю чай? Как раз время поужинать, я прикажу приготовить ещё пару блюд.

С энтузиазмом предложил управляющий, направляясь к двери.

Улыбка Шангуань Яня исчезла, и он сжал губы:

— Не нужно, я уже поужинал. Я просто зашёл проведать дедушку, а потом мне нужно вернуться к делам.

Дядя Лю хотел что-то сказать, но промолчал и, тихо вздохнув, вышел, чтобы приготовить чай.

Шангуань Чэн открыл глаза, и морщины на его лице не могли скрыть пронизательного взгляда. Это был бодрый и харизматичный старик.

— Ты встретил своего отца?

Дедушка был в отчаянии от своего сына, который с возрастом становился всё более глупым. Всё это было результатом его собственного воспитания!

— Да, я слышал, что вы хотели меня видеть?

Он не хотел говорить об этой странной семье.